

Бродский и московские литераторы

На пути из Норенской Бродский заехал сначала в Москву. Московские литературные знакомые старались устроить публикацию его стихов в журналах с либеральной репутацией – «Новом мире» и «Юности». Однако даже для сотрудничества с этими изданиями требовалось проявить некоторую дипломатичность, на что Бродский оказался неспособен. Когда его привели к писателю Рыбакову, который, благодаря связям, мог помочь с публикациями, он настолько рассердил Рыбакова своим высокомерием, что тот и тридцать лет спустя с негодованием вспоминал в мемуарах о встрече с «плохим человеком», желавшим без конца читать свои малопонятные стихи²⁶⁶. Бродский вспоминал эту встречу по-другому: поучения опытного литератора – с кем надо поговорить, чтобы еще на кого-то нажать и т.д., –

265 См. *Сергеев 1997*. С. 440-441.

266 См. *Рыбаков 1997*. С. 370-372.

показались ему настолько византийскими, что он быстро утратил способность следить за ними и, чтобы уйти от утомительного разговора, предложил почитать стихи.

Ему все-таки устроили аудиенцию у Твардовского в «Новом мире». Твардовский в свое время был возмущен арестом Бродского, и о его скандальной ссоре по этому поводу с Прокофьевым вспоминают многие мемуаристы²⁶⁷. Но стихи Бродского вряд ли могли прийти по вкусу народному поэту. Он сказал молодому человеку деликатно: «В ваших стихах не отразилось то, что вы пережили». И пригласил к себе домой – поговорить о поэзии. Иосиф в ответ: «Не стоит»²⁶⁸. Когда В. П. Аксенов, чтобы познакомить Бродского с редакцией «Юности», привел его с собой на заседание редколлегии, «Иосиф на этой редколлегии, наслушавшись того советского кошмара, в котором жили писатели „Юности“, просто лишился сознания. <...> Говорил, что присутствовал на шабаше ведьм. А на самом деле это был максимально возможный тогда либерализм»²⁶⁹. Слова «советский кошмар» не означают, что Василий Аксенов, Анатолий Гладилин, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко и другие писатели, определявшие лицо действительно либерального по тогдашним понятиям журнала, на заседании редколлегии распинались в верности партии и правительству. Принятую в их среде линию поведения вряд ли можно даже назвать конформистской, речь скорее идет о тактике общественного поведения, направленной на то, чтобы печататься, чтобы их читали на родине.

Ту же тактику они порой использовали и в своем творчестве. В литературе это называется «эзопов язык», то есть стиль иронического иносказания (цензору непонятно, а читатель поймет!). Молодые писатели-шестидесятники достигли в эзоповском стиле большого мастерства. Хотя иные из них верили в «социализм с человеческим лицом» и даже до поры в миф об изначально благородной ленинской революции, преданной и утопленной в крови злодеем Сталиным, по отношению к современному советскому строю молодые писатели составляли скрытую оппозицию. Бродский в то время прятельствовал с Евтушенко, Аксеновым, Ахмадулиной, но эзопов язык и как литературный стиль, и как форма общественного поведения был для него неприемлем.

Создание текста – это процесс с участием воображаемого адресата, читателя или, по выражению Стравинского, которое любил повторять Бродский, «гипотетического alter ego». Психология эзоповского творчества основана на допуске в творческий процесс «третьего» – воображаемого цензора, идеологического контролера, стоящего между писателем и читателем, и стилистической задачей становится этого контролера обойти и обмануть²⁷⁰. Бродский, как и вся подсоветская интеллигенция, хорошо знал механизм создания стилистически мерцающего текста – под одним углом соответствует требованиям официальной идеологии, а под другим превращается в социальную сатиру. Но он стоял на позиции абсолютной творческой автономии и не мог писать стихи, думая о том, как их прочтает цензор. То, что для другого художника было увлекательной и смелой литературной игрой, для него – отказом от внутренней свободы. Эзоповская (то есть по определению «рабская») тактика была для него морально неприемлемой. Свое резкое неприятие он выразил в одной сцене из новеллы в стихах «Post aetatem nostram»:

В расклеенном на уличных щитах

267 См. Чуковская 1997 С. 206.

268 Там же. С. 317. Пометки Твардовского на своих стихах Бродский назвал «весьма цивилизными», а самого писателя «человеком несчастным и загубленным» (Волков 1998. С. 108).

269 Сергеев 1997 С. 439.

270 Впечатляющее художественное изображение «внутреннего цензора» см. в романе А. И. Солженицына «В круге первом», в главе, посвященной писателю Галахову. Проблема эзопова языка посвящена моя книга: *On the Beneficence of Censorship: Aesopian Language in Modern Russian Literature*. Munich: Sagner Verlag, 1986.

«Послании властителям» известный,
известный местный кифаред, кипя
негодованием, смело выступает
с призывом Императора убрать
(на следующей строчке) с медных денег.

Толпа жестикулирует. Юнцы,
седые старцы, зрелые мужчины
и знающие грамоте гетеры
единогласно утверждают, что
«такого прежде не было» – при этом
не уточняя, именно чего
«такого»:
мужества или холуйства.
Поэзия, должно быть, состоит
в отсутствии отчетливой границы.

(«*Post aetatem nostram*», КПЭ)

Поэтика эзоповских текстов действительно строилась на отсутствии отчетливой границы между идеологически противоположными прочтениями. Бродский точно передает дух эпохи: всякий раз, когда в «Юности» или в «Новом мире» появлялось особенно яркое эзоповское сочинение, интеллигентные читатели радовались публикации: «Такого прежде не было!» Он так же верно пародирует эзоповские приемы создания двусмысленности, используя анжамбеман: «Императора убрать!» – призывает «местный кифаред» и, только дав отзвучать этому революционному призыву, добавляет: «С медных денег» (изображение на которых унижает императора). Здесь Бродский пародирует известное стихотворение Андрея Вознесенского с призывом: «Уберите Ленина с денег!» Конечно, и эта пародия, и в целом аллегорическая форма «*Post aetatem nostram*» тоже по своей природе иносказания, но иносказания, созданные без оглядки на идеологическую цензуру. Принадлежность к разным этосам, а не конкретные обиды, привела в конце концов к разрыву отношений между Бродским и Евтушенко, Бродским и Аксеновым.